

Валерий Пуминский

Между
Выстрелом
и
Тишиной

Валерий Пуминский

Между Выстрелом И Тишиной

«Автор»

2026

Пуминский В.

Между Выстрелом И Тишиной / В. Пуминский — «Автор», 2026

Книга является продолжением первой книги "Район, Забывший Дышать". Бывший сталкер обосновался в Санкт-Петербурге и устроился в автосервис. В его жизни появляется преданный друг — собака по имени Вектор, которая становится для него символом безопасности. Однажды он случайно находит видео, где группа сталкеров исследует заброшку, и узнаёт в них себя. Он начинает следить за молодым сталкером Валерой через YouTube, видя в нём отражение своей юности. При встрече он предупреждает Валеру о возможных опасностях, но между ними завязывается дружба. В конце истории они находят общий язык, и главный герой понимает свою миссию — помогать другим избегать ошибок прошлого, поддерживая таких, как Валера.

© Пуминский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обычная Жизнь	6
Глава 2. Смотреть позже	7
Глава 3. Среда которая оказалась необычной	9
Глава 4. Невозможность отвести взгляд.	11
Глава 5. Предел.	12
Глава 6. 26 декабря 2026 года. Через экран.	14
Глава 7. 15 февраля 2026 года. Комната с крестами	16
Глава 8. 21 февраля 2026 года. Вавиловский сквер	18
Глава 9. 21 февраля 2026 года. Вконтакте	19
Глава 10. Заявка принята	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валерий Пуминский

Между Выстрелом И Тишиной

Глава 1. Обычная Жизнь

Я переехал в Петербург осенью, когда город уже сбросил летнюю суету и натянул на себя серый плащ из дождей и ветра. Купил квартиру на Вавиловых — не потому что место понравилось, а потому что тут тихо, никто не шумит». Мне тогда и нужно было именно это: тишина, чтобы перестать каждую секунду прислушиваться, не щёлкает ли где-то аномалия.

Первое время я просыпался посреди ночи от собственного вдоха. Мне казалось, что тишина — это ловушка. В Зоне тишина всегда означала беду: выброс на подходе, кровосос затаился в темноте, аномалия ждёт. А тут было тихо по-другому: за окном шумел дождь, а в квартире просто... ничего не угрожало. И от этого было не по себе.

Я устроился в автомастерскую на окраине. Не потому что очень любил машины, а потому что там всё было понятно: масло, фильтры, гайки, никаких загадок. Там не надо было гадать, что за тень мелькнула в углу.

Там я и встретил Лилию. Она пришла забирать отцовскую «Ладу», хмурилась на счёт, а потом вдруг улыбнулась, когда я говорил: «Да тут ерунда, за час всё будет».

Я тогда впервые за долгое время улыбнулся в ответ. Она не спросила, откуда у меня шрам над бровью и почему я вздрагиваю от резких звуков. Просто однажды сказала: «Ты будто всё время ждёшь, что сейчас что-то случится. А тут просто машина сломалась». И в этом было столько спокойствия, что я поверил: может, и правда ничего не случится.

Мы поженились тихо, без пышных торжеств. Просто расписались, а потом пошли есть пироги к её родителям. И когда Лилия сказала, что у нас будет ребёнок, я впервые почувствовал страх другого рода — не за себя, а за то, что не смогу защитить их от всего мира. Я ходил по квартире, трогал стены, будто проверял, крепкие ли они, и всё время думал: «Пусть тут будет безопасно. Пусть тут просто будет дом».

Дочка родилась в мае 2013 года в том самом роддоме № 17 на Вавиловых. Когда ей дали имя, я долго смотрел на её крошечные пальцы и думал, что вот это и есть самое настоящее. Не артефакты, не секретные документы, не военные приказы. А этот тихий плач, этот запах свежего белья, этот свет в окне третьего этажа. В тот момент Зона будто отступила.

А потом, уже в конце лета, когда дочка научилась улыбаться, мы с Лилей пошли гулять в парк и встретили щенка. Он сидел у скамейки, дрожал и прижимал уши, будто уже знал, что мир может быть жестоким. Я присел рядом, протянул руку, и щенок уткнулся в ладонь мокрым носом. «Ну что, будешь с нами?» — тихо спросил я. И он, будто понял, прижался к моему колену.

Собаку называли Вектором. Он не лаял без причины, не тянул поводок зря. Просто шёл рядом, иногда поднимал уши, иногда тихо рычал, если чувствовал что-то не то. А по вечерам он ложился у моих ног, и от этого становилось спокойнее: если что-то случится, он первым даст знать.

Октябрь 2013 года пришёл незаметно. Закрыли роддом.

Я не ходил туда каждый день, но иногда, когда дочка засыпала, я выходил в сквер, садился на лавочку напротив и смотрел на тёмные окна. Вектор садился рядом, не рвался вперёд, не скулил. Просто сидел и смотрел вместе со мной. И в эти минуты я понимал: я больше не тот майор, который шёл сквозь Зону, не оглядываясь. Теперь я человек, который смотрит на пустое здание и помнит, что в нём когда-то родился самый важный для меня свет.

Глава 2. Смотреть позже

2017 год. Я уже привык к этому ритму. Утро — кофе, день — гайки и масло, вечер — чай, дочка, мультики. В тот день хотел включить ей, что-то и привычно открыл YouTube. Пролистал пару роликов, потянулся нажать «воспроизвести»... и вдруг в рекомендациях выскочило: «Сталк. Заброшенный родильный дом № 17».

На миниатюре здание выглядело почти обычным: фасад ещё не рассыпался, окна не зияли пустотой, а казались просто тёмными. Перед входом стояли трое пионеров с фонариками — совсем юные, будто пришли не «в заброшку», а просто посмотреть, что там внутри. А под миниатюрой — три маленьких кадра: коридор, дверь и та самая стиральная машина, похожая на сейф.

Я замер. Не хотел этого видеть. Но палец сам ткнул «Смотреть позже», будто если отложить, то оно перестанет быть настоящим. Закрыв вкладку, включил дочке мультик, сел рядом, гладил её по волосам, пока она не уснула.

Вечером, когда Лиля ушла в другую комнату, а Вектор тихо сопел у двери, я снова открыл «Смотреть позже» и нажал «воспроизвести».

Сначала пионеры сидели в подвале и наблюдали за камеркой охраны.

— Тут никого нет, — буркнул один.

— Да бабушек вызвали, чтобы они сидели - сказал второй

— Охранников нет, потому что нет машин, — уверенно выдал третий, считая это решающим аргументом.

Потом они нашли какую-то конструкцию, чем-то похожую на сейф.

— Это стиральная машина, — сказал один.

— Какая, ещё стиральная машина? — фыркнул второй.

— Парогенератор, — спокойно поправил третий.

Второй распахнул дверь в комнату — и оттуда с грохотом посыпались умывальники.

— Ты что наделал?! — заорал первый.

Они зашли внутрь, а там — пакетики от чая, пачка сухариков и старый диванчик. И они, будто сразу перестали быть смелыми: просто сели, выдохнули, посидели, как будто эта комната с сухарями была самым нормальным местом на свете.

Потом поднялись на первый этаж. Один пошёл вперёд и сказал, что там никто не был, и тут:

— Ты на мину наступил! — крикнул ему кто-то.

Он не придавал этому значения, пошёл дальше, увидел, кто-то виляет хвостом

Он резко обернулся:

— Там овчарка!

Второй тут же спокойно бросил:

— Знаю, куда свалить, туда в окно.

Они рванули на второй этаж, но не успели перевести дух, как третий замер:

— Внимание, слышится какой-то писк.

Повернулись к углу — там стояла какая-то аппаратура, тихо и противно попискивала.

Они пошли к лифту.

— Давайте вызовем лифт! — предложил один.

— Да нафиг этот ржавый гроб катать! Тем более мне его скрежет не нравится! — отрезал второй.

И тут видео резко оборвалось.

Я откинулся на спинку кресла и выдохнул. Я знал эти коридоры, знал, где пол скрипит, где лучше не наступать, где ветер гуляет так, что, кажется, будто кто-то зовёт по имени. Но

сейчас я видел их чужими глазами — глазами пионеров, которые пришли «просто глянуть» и теперь не знали, как унести ноги.

Вектор поднял голову, подошёл, уткнулся носом в ладонь. Я машинально погладил его за ухом. И вдруг понял: я не просто смотрю видео. Я ищу в нём подтверждение, что это всё ещё важно. Что я не забыл. Что Зона не исчезла, даже если я теперь чиню машины, пью чай и укладываю дочку спать.

Когда ролик закончился, я ещё долго сидел в недоумении. Потом закрыл ноутбук, встал, подошёл к окну и посмотрел на тёмный прямоугольник роддома напротив. Ветер шевелил обрывок старой вывески. И мне вдруг показалось, что где-то там, в глубине пустых коридоров, мелькнул свет, как вспышка.

Или это просто отсвет фонаря с улицы.

Или мне хотелось, чтобы это был не просто фонарь. Я не начал думать об этом заварил себе чаёк, выпил его. Пошёл в душ, почистил зубы и лёг спать, думая о завтрашнем дне.

Глава 3. Среда которая оказалась необычной

2019 год. У меня был выходной, хоть и среда. Я отвёл дочку в садик, жена ушла на работу, а я пошёл выгуливать Вектора. Мы отправились в Вавиловский сквер. Я кидал ему палочку, он приносил, вилял хвостом, будто это самое важное дело на свете. Я хвалил его, гладил за ухом, и от этого становилось чуть спокойнее — будто весь мир сузился до нас двоих, до этой палки и до мокрой собачьей морды.

Мы пошли обратно. И как-то сами собой ноги вывели к роддому № 17. Я остановился, посмотрел на здание. Снаружи оно ещё держалось: рамы на месте, где-то даже стёкла остались, фасад не осыпался, просто выглядел уставшим, будто его давно не мыли. Он стоял не как руины, а как дом, который просто закрыли на время, надеясь, что потом всё реконструируют.

Я и сам об этом думал: как его до сих пор не реконструировали? По новостям на НТВ ещё в октябре 2018 говорили, что сделают тут что-то современное, светлое. Здание всё стоит, будто ждёт, когда про него, наконец, вспомнят. Или наоборот — когда про него забудут совсем. Скоро ведь уже шесть лет будет, как его закрыли. Шесть лет молчания, которое не приносит радости.

И вдруг со стороны бокового фасада, кто-то выбежал. Двое парней, совсем молодые, почти мальчишки. За ними, тяжело дыша, мчался охранник, размахивал руками, кричал, что-то неразборчивое. Парни метнулись в сторону, чуть не сбили меня с ног — и тут я сам не понял, как это вышло, но я шагнул вперёд, вытянул руку и строго, так, как умею, только когда речь идёт о безопасности, спросил:

— Что у вас здесь происходит?!

Они замерли. Испугались не столько моего голоса, сколько того, что их вообще кто-то поймал. Стояли, переминались, смотрели то на меня, то на охранника, будто искали, куда бежать.

— Да мы просто... хотели приключения устроить, — пробормотал один, опустив глаза.

— Да, ну, типа, посмотреть, что там внутри, — торопливо добавил второй.

— А потом эта охрана... мы не думали, что тут кто-то есть.

Охранник уже подошёл, тяжело дышал, но я тихо, не сводя с парней взгляда, сказал:

— Я сам с ними поговорю.

Он только махнул рукой, сплюнул и ушёл проверять периметр. А я остался с этими двумя. И не стал их ругать. Не стал пугать провалами или ржавыми лестницами. Просто сказал самую простую правду:

— Тут не приключение. Тут может быть охрана, могут быть собаки, могут быть люди, которым не до шуток. Тут не про «пофоткаться и выложить». Тут можно просто попасть в беду, и всё. Я это знаю не по рассказам.

Они слушали, кивали, не спорили. Может, потому что в моём голосе не было злости, а была эта самая обычная, горькая ясность: я не хотел, чтобы они узнавали такие вещи на своей шкуре.

— Ладно, мы больше не будем, — тихо сказал первый.

— Просто... хотелось чего-то необычного, — добавил второй, будто оправдываясь.

Я только кивнул. Пусть думают, что я всё понял.

Главное, чтобы они были в порядке и невредимы.

Они попятились, потом развернулись и быстро пошли прочь, оглядываясь, будто всё ещё не верили, что их просто отпустили. Я постоял ещё минуту, глядя им вслед, потом снова поднял глаза на здание. Снаружи оно всё ещё притворялось нормальным: рамы, стёкла, будто за ними кто-то просто спит. И в этом была самая большая обманка: фасад был целым, а опасность была не в дырах в стенах, а в том, что ты просто не знаешь, кто там внутри и что тебя ждёт.

Я пошёл домой. На кухне всё было привычно: кастрюля, овощи, запах лаврового листа. Я начал варить борщ — обычный, домашний, такой, который пахнет тем самым «всё в порядке». И пока вода кипела, я думал: может, в этом и есть защита — в этих простых вещах. В том, что ты возвращаешься, кормишь собаку, варишь борщ, потом идёшь забирать дочку Алису из садика. И делаешь это каждый день, будто ставишь между собой и Зоной по кирпичику.

Когда борщ почти доварился, я накинул куртку, взял ключи и пошёл за Алисой.

В садике она выбежала ко мне, как всегда, с радостным криком, вцепилась в ногу, потом подняла голову и сказала:

— Пап, а мы сегодня строили башню! Она была огромная!

Я подхватил её на руки, прижал к себе, вдохнул этот запах детского шампуня и понял: вот ради этого и стоит каждый день ставить эти кирпичики. Ради того, чтобы она никогда не узнала, что такое настоящая тишина Зоны.

Глава 4. Невозможность отвести взгляд.

Наступил 2023 год. Я сидел дома один: дочка была на тренировке, жена поехала в гости. Включил YouTube, просто скоротать время, пока чайник греется. Листал ленту, тыкал на всякое, и вдруг в рекомендациях выскочил канал MaksPC. На превью — мальчишка лет двенадцати, улыбается, будто уже знает, что делает невероятно крутое.

— Сегодня мы идём в заброшенный роддом на Вавиловых, — говорит он в камеру, а за спиной у него стоят друзья, все такие же юные и уверенные, что им всё нипочём.

Я замер. Палец сам потянулся поставить на паузу, будто если я не нажму «воспроизвести», то ничего не случится. Но потом всё-таки ткнул. И они поехали.

Они прокрались внутрь, обходя охрану. Снимали всё на телефон, шептали, что «шуметь запрещено», будто это уже какая-то игра, где главное правило — не попасться. Потом они увидели других пареньков, которые убегали от охранника, и засмеялись: мол, вот это да, прямо как в кино. Они полезли на чердак, обсуждали, куда лучше залезть, спорили про крышу. Им показалось, что где-то рядом охрана, но они не остановились. Наоборот, будто это только добавляло адреналина.

Потом они зашли в уборную и радостно объявили:

— Отличное место для хаты!

Я сидел и смотрел, как они наблюдают за охранником, как прячутся в тени, как снова шепчут: «Тихо, тихо». А потом они начали баловаться петардами. Один поджёг, кинул, и они захихикали, хотя сами явно боялись, что сейчас прибежит.

— Теперь тут будет вонять, — сказал кто-то, и все снова засмеялись.

А потом они забрались на крышу. Стояли там, оглядывались по сторонам, будто хотели увидеть весь город, но при этом всё время косились вниз, боясь, что их кто-то заметит. Было видно: им страшно, но они делают вид, что нет. Потому что если признаешься, что боишься, — ты уже не крутой.

Спустились они в свою «хату», устроили трапезу, болтали, смеялись, будто победили это здание. А потом пошли дальше: долгие похождения по коридорам, где эхо шагов звучало громче их голосов. В конце концов видео просто оборвалось.

Экран почернел. Я ещё несколько секунд смотрел на этот чёрный прямоугольник, будто ждал, что там снова появится картинка, что кто-то скажет: «Шутка, мы все вышли, всё нормально». Но ничего не было. Только тишина.

Я встал, подошёл к окну и посмотрел на роддом. Он стоял, как всегда: рамы на месте, стекла держались, фасад выглядел уставшим, но не разрушенным. Будто ничего и не происходило. Будто не было ни пионеров на крыше, ни петард, ни шёпота.

И тут меня накрыло не страхом, а тяжестью. В 2019 году я стоял у угла, смотрел на тех двоих, говорил им простую правду: «Тут может быть охрана, тут можно попасть в беду». И они послушали. А теперь я сижу здесь и вижу, что другие всё равно лезут. И я не могу их остановить. Не могу схватить за рукав, не могу сказать: «Послушайте, это не игра».

Чайник щёлкнул, выключился. Я налил себе кружку, сел обратно, положил руки на колени и подумал: единственное, что я могу сделать, — это держать свой дом так, чтобы Алисе никогда не хотелось искать приключения в заброшках. Чтобы у неё было столько обычного, тёплого, своего, что «необычное» не тянуло бы её за собой.

Пусть у неё будет двор, где можно строить башни. Пусть будет папа, который чинит машины и варит борщ. Пусть будет пёс, который приносит палку и виляет хвостом, будто это самое важное дело на свете.

Потому что иногда «обычное» — это и есть самая лучшая защита.

Глава 5. Предел.

27 мая 2025 года мы с Алисой пошли гулять в Сосновку. Решили дойти пешком. По дороге я сам не заметил, как ноги вывели нас рядом с роддомом № 17. Здание теперь выглядело совсем иначе: его обнесли строительным металлическим забором, а на нём крупными буквами выведено: «Опасная зона. Проход запрещён!». Окон не осталось, дверей тоже, плитка давно осыпалась, будто здание само стёрло с себя всё лишнее.

Я остановился, взял Алису за руку и тихо сказал:

— Знаешь, ты тут родилась. В этом самом здании.

Она подняла на меня глаза, слушала внимательно, не перебивала, не тянула дальше. Я рассказал ей всё, что знал: про то, как тут когда-то всё работало, про коридоры, про окна третьего этажа, про то, как я смотрел на эти стены и думал, что теперь у меня есть что защищать. А потом я строго, но спокойно добавил:

— И запомни: сюда нельзя. Тут не место для прогулок. У тебя будут проблемы.

Она кивнула. Не потому что испугалась, а потому что услышала: что, папа ставит границу. И этого ей хватило.

Мы повернули за угол — и наткнулись на скопление людей. Кто-то громко орал, кто-то махал руками, будто пытался объяснить сразу всем и сразу всё. А из дыры в заборе один за другим выскакивали люди — торопились, оглядывались, будто боялись, что их сейчас остановят.

Моё внимание зацепил парень в светлой толстовке. Он вылетел из проёма, весь запыхавшийся. Ему что-то крикнули в спину, он рванул вперёд, как новичок из Зоны — резко, без оглядки, только бы уйти. Потом вдруг резко остановился, согнулся, оперся руками о колени и протяжно выдохнул, будто из него вышел весь воздух.

Я шагнул было к нему — хотел догнать, спросить, что там случилось, может, помочь. Но в этот момент к нему подошёл школьник лет пятнадцати, не меньше.

— Чего убегал? — спокойно спросил он.

Парень поднял на него глаза, выдохнул ещё раз и коротко бросил:

— Там менты.

Школьник только кивнул, будто слышал такое уже не раз, и пошёл прочь. А я снова хотел догнать парня, поговорить, убедиться, что с ним всё в порядке. Но не успел: он выпрямился, поправил толстовку и быстро ушёл и растворился среди прохожих.

Я постоял ещё секунду, глядя ему вслед, потом снова посмотрел на забор, на табличку «Опасная зона», на осыпавшуюся плитку. И вдруг почувствовал, как крепко Алиса держит меня за руку. Повернулся к ней, улыбнулся и сказал:

— Пойдём дальше. В Сосновке сейчас, наверное, сирень цветёт.

И мы пошли. По обычным тротуарам, мимо обычных домов, туда, где нет ни дыр в заборах, ни криков в спину, ни тяжёлых выдохов. Туда, где можно просто гулять и не оглядываться.

Пока мы шли, я думал: раньше я боялся, что Зона прорвётся в мою обычную жизнь. А теперь понял — она не должна. Потому что граница уже есть. Её поставили не аномалии и не мутанты. Её поставили люди: таблички, заборы, патрули. И моя задача — не штурмовать эти границы, а держаться по правильную сторону.

А ещё я думал про того парня в светлой толстовке. Про то, как он выдохнул эти два слова: «Там менты». В них не было ни драмы, ни пафоса — только усталость и простая реальность. И мне почему-то казалось, что если бы я его догнал, он бы не стал ничего объяснять. Просто пожал бы плечами и сказал: «Да так, просто хотел посмотреть. А потом стало не до того».

И я вдруг понял: я бы и сам так сказал. Если бы кто-то взрослый тогда поймал меня у угла, я бы тоже стоял, переминался и бормотал: «Просто хотел глянуть, что там». И если бы он

не стал меня ругать, а просто спокойно сказал: «Тут опасно, пойдём отсюда», я бы, наверное, пошёл. И может, даже был бы ему благодарен.

Только вот никто меня тогда не поймал. Никто не сказал: «Пойдём отсюда». Я сам должен был это понять. И я понял. Позже, чем хотелось бы. Но понял.

Поэтому теперь я и говорю Алисе: «Тут нельзя». Не чтобы напугать. А чтобы ей не пришлось понимать это позже. Чтобы она не узнала эту правду на своей шкуре.

Когда Алиса уснула, я приготовил себе чай и вернулся к YouTube. Пролистывая ролики, я неожиданно обнаружил канал Валера 777. На миниатюре был тот самый молодой человек в светлой толстовке, но теперь он не убегал, а создавал летсплеи.

Я замер на секунду. И нажал «Подписаться».

Я смотрел и понимал: вот это и есть правильный выход из Зоны. Не «победить руины», а построить что-то своё, где правила ты ставишь сам. Где не надо прятаться и оглядываться, потому что ты сам решаешь, где тут безопасно.

Пусть снимает летсплейчики. Пусть у него будет место, где он сам решает, что здесь безопасно, а что нет.

А я буду иногда заходить, смотреть. И кивать, когда он говорит: «Я просто хотел глянуть». Потому что я знаю, что за этими словами стоит. И знаю, что теперь он делает с этим знанием.

Глава 6. 5 января 2026. Через экран

Глава 6. 26 декабря 2026 года. Через экран.

26 декабря 2026 года я зачем-то снова заглянул на канал Валера 777. Время на часах было 18:30. В рекомендациях выскочило видео: «Сталк — Зброшенный роддом № 17», опубликовано 30 минут назад.

Превью ударило первым: ночной внутренний двор, всё завалено снегом, будто здание само укуталось в белое, чтобы ничего не видеть и ничего не слышать. Только в одном окне на втором этаже — тонкий луч фонарика, дрожащий, как живое пламя. И от этого контраста — чёрная ночь и этот одинокий свет — внутри всё сразу сжалось.

Я замер. Нажал «воспроизвести».

Голос Валеры звучал спокойно, но с той самой дрожью, которую не спрячешь: он представился, сказал, что давно не был здесь, и теперь будто заново узнаёт эти стены. Пошёл на третий этаж, но услышал там чьи-то шаги — и сразу свернул на второй. Постоянно смотрел в окна, будто пытался понять, где граница между «можно» и «уже поздно».

А потом — этот случайный шаг, хруст бутылки, и короткое: «Чёрт!» Так по-человечески, без пафоса: не «я герой», а «я ошибся».

Дальше крики снизу: «Эй, стой, менты!» И его шёпот, который слышно даже сквозь плохой микрофон:

«Если я сейчас к ним спущусь — мне конец».

Я сжал кружку так, что пальцы побелели. Сидел и смотрел, как он бежит на четвёртый этаж, как выглядывает из комнаты и вдруг замирает. Его «дорожку спасения» перегородили мешками с мусором. Кто-то специально это сделал. Ловушка.

— Возможно, меня хотят напугать, — тихо сказал он, будто уговаривал сам себя, что это просто игра.

Свист разлетелся по пустым коридорам, как осколки стекла. Я буквально чувствовал, как у него внутри всё сжимается. И в этот момент он подумал: «Может, сбежать, пока не видят?» — а потом сам себя оборвал: «Хотя я что, трус — бояться шестиклассников?»

От этой фразы у меня внутри что-то ёкнуло. Потому что это не про смелость. Это про гордость, которая иногда тащит тебя туда, где вообще не надо быть.

Потом мелькнул знакомый охранник. На секунду он даже подумал: «Может, к нему заглянуть?» Но сразу понял: зачем? Что он ему скажет? «Я тут просто гуляю?»

Когда он выбрался на чердак и увидел людишек напротив, на третьем этаже, которые пристально смотрели в его сторону, — он не стал медлить. Сразу рванул на крышу. И там, уже наверху, выдохнул и почти радостно сказал:

— Ура, я смог это сделать!

Я даже невольно выдохнул вместе с ним. Будто стоял рядом.

Он заметил, как кто-то выходит с территории, и подумал, что, наверное, они ушли. Но потом на чердаке снова мелькнул фонарь. Он удивился: «Как они успели так быстро?» А потом понял, что: «Это один человек. Просто играется со мной».

Собрав силу в кулак, он спустился. Увидел фонарь на втором этаже — и неистово испугался. А потом из темноты вышел обычный турист. Они просто поздоровались и разошлись. Видео закончилось.

Экран потемнел. Я ещё несколько секунд смотрел на эту чёрную тишину. Потом тихо поставил кружку на стол, будто боялся, что любой звук сейчас будет лишним.

Получается, он тогда не просто «посмотрел заброшку». Он реально попал в переплёт. И выбрался. Не потому что был самым смелым, а потому что не растерялся. Потому что вовремя рванул на крышу, потому что не полез вниз, когда понял, что там ловушка. Потому что сумел не поддаться панике.

И я вдруг понял: тот парень, которого я хотел догнать у забора в 2025-м, не был ни глупцом, ни героем. Он был обычным пацаном, которому просто хотелось чего-то необычного. И который, когда стало по-настоящему опасно, не сломался.

Пусть он теперь снимает летсплейчики. Пусть у него будут места, где всё под контролем, где нет ловушек из мешков с мусором и фонарей, которые мелькают в темноте.

А я буду иногда заходить, смотреть его ролики и кивать. Потому что знаю: он уже прошёл через тот коридор, где страшно. И теперь строит там, где спокойно.

Глава 7. 15 февраля 2026 года. Комната с крестами

15 февраля 2026 года я снова открыл канал Валера777.

Время на часах было уже за полночь, но спать не хотелось.

На превью — тёмный коридор, а в глубине едва угадывается дверь с чем-то тёмным, будто намалёванным поверх облупившейся краски. Название ролика: «Сталк — Зброшенный роддом № 17: комната с крестами».

В голосе теперь в нём было не столько азарта, сколько осторожности. Он будто сам себе напоминал: тише, тут не надо шуметь.

Валера шёл по третьему этажу. В какой-то момент раздался резкий грохот арматуры где-то в соседней секции. Он тут же нырнул в техническое помещение, замер, прислушиваясь. Потом вышел и тихо бросил:

— Просто ветерок.

Но в этих словах я услышал тот самый холодок, который появляется, когда ты сам себя уговариваешь, что всё нормально, хотя всё совсем не нормально.

Он походил ещё немного, заметил, что в одной из комнат что-то подожгли. Наклеил на стену стикер, оставил своё имя — будто хотел сказать: «Я был здесь, и я не боюсь». Потом поднялся на четвёртый этаж, остановился у надписи на стене: «АНЯ-2K18».

— Она здесь была с 2018 года, — тихо сказал он, будто боялся спугнуть тишину.

Для меня это была просто чья-то история. Чужая. Кто-то когда-то пришёл сюда, написал имя, ушёл. И теперь эта надпись держалась на облупившейся краске, как единственный след того человека. Но я понял, почему для Vallexoг'a это важно: такие метки — это способ сказать: «Я тут был. Я не призрак».

Дальше он добрался до шахты, где прямо в стене зиял странный проём — и в нём будто мерцало что-то знакомое. Портал в S.T.A.L.K.E.R.: Зов Припяти. Он протянул туда руку, и тут из темноты кто-то резко крикнул:

— Не трогай! Это не игра, это на самом деле!

Валера не вздрогнул от неожиданности, а лишь напрягся, как натянутая струна, и строго спросил

— Кто здесь? Выходи, я хочу с тобой поговорить. Я не поехавший. Мне просто интересно, кто мог прийти на заброшку ночью.

Тишина. Только эхо его голоса гуляло по пустым коридорам.

Потом он добрался до комнаты с крестами. И там, стоя посреди этой странной, почти ритуальной тишины, он рассказал про гибель человека 17 октября 2010 года. Видео оборвалось на полуслове.

Я откинулся на спинку стула, уставился в чёрный экран. И вдруг меня будто ударило не воспоминанием, а пониманием: я не Аня. Я не тот человек, чьё имя на стене. Но я тоже могу оказаться на чьём-то видео. И кто-то потом будет сидеть и сжимать кружку, глядя, как я делаю шаг туда, где опасно.

В груди стало тяжело. Я посидел ещё минуту, потом закрыл ноутбук. Но сон не шёл. В голове крутилось: «Зачем ты туда лезешь?» — и я сам не знал, к кому это относится: к нему, к себе, к нам обоим.

А потом я понял: я должен туда сходить.

Не ради адреналина. Не ради ролика. А чтобы просто постоять в этой комнате, посмотреть в то окно, где была мёртвая тишина, и сказать: «Хватит. Дальше не надо».

В поздний час я отправился на заброшенную территорию. С собой у меня была деревянная палка. В таких местах ночью тишина становится настоящим врагом. Любой звук кажется угрозой, и оружие создаёт иллюзию безопасности.

Полчаса я пробирался к комнате с крестами. За это время здание успело превратиться в настоящую помойку: мусор, доски, какие-то тряпки, будто кто-то специально хотел стереть из этого места любой намёк на человечность.

Наконец я зашёл в комнату. Окно выходило во внутренний двор. Там была мёртвая тишина. Такая, что слышно, как кровь стучит в висках.

И вдруг — стон. Тихий, едва уловимый, но настоящий.

Не думая, я постучал по стеночке. Звук разорвал тишину, как удар грома. Всё моментально прекратилось. Ни стоны, ни шороха, ни дыхания. Только эхо, которое медленно уплывало в углы.

Я заглянул в тот самый проём — в портал. И понял: это действительно не игра. Это реальность, которая притворяется игрой. Это Зона, которая смотрит на тебя и ждёт, что ты протянешь руку.

Но я не протянул. Я стоял и смотрел в эту мерцающую пустоту, и чувствовал, как по спине ползёт холод. Это было не приключение. Это была ловушка для тех, кто хочет сбежать от настоящего.

«Я не стану этого делать», — прошептал я.

Развернулся и пошёл прочь. По тем же коридорам, мимо тех же мешков и мусора, мимо надписи «АНЯ-2К18», мимо стикера, на котором Vallexog оставил своё имя.

Когда я вышел на улицу, небо уже начинало сереть. Первые признаки рассвета. Я снял перчатки, положил автомат в сумку и глубоко вдохнул. Воздух был холодным, но настоящим. Без привкуса Зоны.

Глава 8. 21 февраля 2026 года. Вавиловский сквер

21 февраля 2026 года я был один дома. Жена — в командировке, дочка — у подружки. Я накинул куртку, позвал Вектора — он тут же подскочил, виляя хвостом, будто прогулка была главным событием дня. Мы вышли, привычно свернули в сторону Вавиловского сквера.

Я включил себе «Шабаш» группы «Алиса». Там, где Кинчев поёт так, будто каждое слово — это удар по чему-то старому, отжившему. И в этом ритме всё становилось чуть проще: шаг, поводок, хруст снега, бас из наушников. Обычная жизнь, в которой не нужно никуда прорываться.

Мы шли спокойно, потихоньку начали поворачивать в сторону дома. И тут я невольно повернул голову на ту самую заброшку. Не специально. Просто взгляд сам туда скользнул, будто здание тянуло к себе, как магнит.

И вдруг я увидел его. Валера. Стоял чуть в стороне, будто раздумывал: сделать ещё шаг или всё-таки уйти. В этот момент он не выглядел ни крутым, ни бесстрашным. Он просто был чуваком, который не знал, что делать с собственным любопытством.

Не выдержав, я строго спросил:

— Ты видел, что там внутри?

Он неторопливо ответил:

— Да.

Тогда я сказал то, что крутилось у меня на языке с тех самых пор, как я впервые увидел его ролик:

— Не ходи туда в одиночку. Зона не любит любопытных.

Вектор вдруг глухо зарычал, глядя на тёмные провалы окон. Я тут же тихо, но твёрдо бросил:

— Тихо, Вектор.

Валера будто и не услышал. Он просто стоял, смотрел на здание, будто пытался разглядеть в нём какой-то ответ. Потом резко дёрнулся и ушёл — растворился между домов, как тень.

Я остался стоять. Пёс уткнулся носом мне в ладонь, будто хотел вернуть меня в реальность. Я потрепал его за ухом, выдохнул и пошёл домой. Но внутри всё ещё гудело от этого короткого разговора.

Дома я скинул куртку, налил себе чаю, а сам всё думал: надо бы с ним всё-таки познакомиться. Не чтобы запрещать, не чтобы читать нотации.

А чтобы просто сказать: «Я понимаю, зачем ты туда лезешь. Но давай не в одиночку».

И уже вечером, когда за окном окончательно стемнело, я открыл ВКонтакте и начал искать его страницу.

Глава 9. 21 февраля 2026 года. Вконтакте

Потом я открыл ВКонтакте. Вбил в поиск «Валера».

Нашёл. Аватарка — парень в футболке с надписью группы АЛИСА, весь в меня можно сказать.

Я замер на секунду. Потом медленно выдохнул. Это был он.

На стене были размещены видеоролики, среди которых выделялся «Сталк — Зброшеный роддом 17». Я вновь открыл этот ролик, но не стал его смотреть. Вместо этого я обратил внимание на количество просмотров — их было 1000. В комментариях преобладали слова «красавчик», «жутко» и вопросы о местонахождении выхода. Никто не спрашивал, не страшно ли мне, и никто не предлагал составить мне компанию.

Тогда я нажал «Добавить в друзья» и откинулся на спинку стула. Пальцы чуть подрагивали — не от волнения, а от того, что я вдруг понял: я не собираюсь ему ничего запрещать. Я просто хочу, чтобы он знал: если снова пойдёшь туда, где темно и тихо, ты не будешь один.

За окном уже окончательно стемнело. Где-то далеко проехала машина, фары на секунду мазнули по стеклу. Я ещё посидел, потом закрыл ноутбук, выключил свет.

А перед тем как лечь, снова услышал в голове этот короткий разговор:

— Ты видел, что там внутри?

— Да.

— Не ходи туда в одиночку.

И в этот раз я не думал про Зону, про заброшки, про ловушки. Я думал про то, как легко быть любопытным. И как тяжело быть любопытным одному.

Глава 10. Заявка принята

Я сидел, смотрел на экран и ждал. Секунды тянулись как часы. А потом — маленькое уведомление: «Vallexor принял заявку в друзья». И сразу следом — сообщение: «Кто вы такой и зачем кинули заявку в друзья?»

Коротко, без церемоний. Как и положено пионеру, который привык, что взрослые либо ругают, либо не замечают.

Я не стал придумывать красивую легенду.

Написал как есть: про то, что видел его у заброшки, про Вектора, про то, как стоял и думал: «Надо бы познакомиться».

Сначала он не поверил. Я почти видел, как у него глаза на лоб полезли: взрослый мужик не прошёл мимо, не рывкнул «уходи отсюда», а просто... заметил. А потом ещё и написал.

Но я продолжал писать, спокойно, без давления. И постепенно он начал верить.

«Давно по заброшкам ходишь?» — спросил я.

«Да, с год уже», — ответил он.

Я тогда по-настоящему удивился. Целый год. Сколько раз он туда ходил, сколько раз оставался один на один с этой тишиной, с мешками мусора вместо выхода, с фонарями в темноте... И никто не сказал ему: «Давай я с тобой».

А потом он вдруг спросил:

— Это случайно не вы меня 21 февраля окликнули? У заброшки? С псом?

— Да, — ответил я.

И тут он удивился ещё сильнее. Будто до этого момента всё было просто совпадениями, а теперь вдруг оказалось, что мир не такой уж и большой, и кто-то всё-таки смотрит по сторонам.

Мы ещё переписывались. Он рассказывал про лестплейчики.

А я слушал и кивал, хотя он меня не видел. И когда он в очередной раз обратился ко мне на «вы», я тихо написал:

— Не надо ко мне на вы. От этого я себя каким-то пожилым человеком чувствую. Просто... по-человечески, ладно?

Он помолчал немного, будто привыкал к этой мысли. А потом ответил коротко:

— Ладно.

С тех пор мы и стали лучшими друзьями. Не потому что я его чему-то учил, и не потому что он передо мной раскрылся. А потому что мы оба поняли одну простую вещь: иногда достаточно просто не пройти мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.